

Михаил Соколов

Изобретая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х*

Эта статья посвящена не русскому радикально националистическому движению как таковому, а его исследователям. Она представляет собой комментарий по поводу дискуссии о «русском фашизме» (которую я буду далее называть просто «Дискуссией») в том виде, в котором она сформировалась на протяжении 90-х годов и, несмотря на ощутимые изменения, продолжает существовать сейчас. В первой ее части рассматриваются некоторые особенности Дискуссии, а затем предлагается интерпретация социальных истоков этих особенностей и делается несколько предположений об их следствиях для понимания современного русского радикального национализма.

Дискуссия

«Дискуссия» (или «область исследований», или «субдисциплина»), посвященная отдельной проблеме, является одной из основных форм организации научного сообщества¹. Словами Рэндалла Коллинза, дискуссия представляет собой «общее пространство внимания», в котором существуют ее участники, бдительно следящие за

* Статья ранее публиковалась в сборнике *Русский национализм в политическом пространстве: исследования по национализму в России* (Под ред. М. Ларюэль. М.: Франко-русский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 30-53). [Прим. редакции: Эта глава была предметом обсуждения во вступительной статье к серии спецвыпусков Форума «Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки». См.: Умланд А. Расцвет русского ультранационализма и становление сообщества его исследователей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. Т. 6. № 1. С. 5-38 <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss11/1UmlandVvedenie.pdf>>.]

¹ Mullins Nicholas. A Model of the Development of a Scientific Specialty: The Phage Group and the Origins of Molecular Biology // *Minerva*. 1972. Vol. 10. P. 51-82; idem. *Theories and Theory Groups in Contemporary Sociology*. N.Y.: Harper and Row, 1973.

всеми достижениями и просчетами друг друга². Право на доступ к участию в дискуссии оплачивается вниманием, уделенным трудам других ее участников. Роль свидетельства того, что необходимый взнос был выплачен, играют, например, введения с обязательным обзором литературы, предваряющие обычно «серьезную» научную статью. Сама эта форма организации делает неизбежной прогрессивную фрагментацию дискуссий. Поскольку число ученых на протяжении уже нескольких столетий имеет тенденцию увеличиваться, а количество литературы, которую может прочитать один человек, остается относительно небольшим и сравнительно постоянным, то добиться выполнения требования «каждый читает каждого» внутри круга занятых какой-то темой возможно только за счет постоянного исключения все новых проблем и подходов как иррелевантных. Одним из самых интересных вопросов в этой ситуации становится вопрос о том, что именно оказалось исключенным из данной дискуссии в том виде, в каком она возникла, почему и какой ценой. Именно этим вопросам применительно к одной отдельно взятой Дискуссии и посвящена данная статья.

Дискуссия о русском радикальном национализме, в которой участвуют как российские, так и западные исследователи, весьма активно развивается уже около полутора десятилетий. Среди основных ее участников были группы экспертов, сформировавшиеся вокруг Центра «Панорама» (Александр Верховский, Вячеслав Лихачев, Владимир Прибыловский, Александр Тарасов), Музея этнографии и антропологии в Санкт-Петербурге (Николай Гиренко, Вячеслав Сухачев³, Валентина Узунова), ВЦИОМа/Левада-центра (Лев Гудков, Юрий Левада, Леонид Седов), а также Института социологии РАН (Абрам Гордон, Лионель Дадиани). Участниками этой сети постоянных интеллектуальных обменов были также многие российские исследователи, не связанные ни с одним из этих институтов (Александр Галкин, Зинаида Сикевич), а также многие ученые-слависты из Соединенных Штатов, Великобритании и Германии, работающие на рассеянных по всему миру кафедрах русистики (Джон Б. Данлоп, Вера Тольц, Андреас Умланд, Стивен Хэнсон, Стивен Д. Шенфилд и многие другие). Рассмотренная с точки зрения частоты взаимного цитирования, эта группа представляет собой вполне оформленную субдисциплину, члены которой пристально следят за работами друг друга.

Однако, несмотря на внушительность этого списка, можно легко составить еще один почти такой же длины, состоящий из имен людей, которые писали о русском

² Коллинз Рэндалл. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

³ Сухачев В.Ю. К генеалогии современного русского национализма // Этничность. Национальные движения. Социальные практики / Под ред. В. Дресслер-Холохан, Н.Г. Скворцова, К.Н. Хабибулина. СПб.: Петрополис, 1995. С. 89-104.

радикальном национализме, но работы которых не попали в пространство внимания постоянных участников дискуссии. Этим исключенных авторов отличает, прежде всего, несколько отклоняющийся от принятого в рамках Дискуссии угол зрения, под которым они рассматривают праворадикальные группы. Наиболее заметные отличия между включенными и исключенными авторами касаются контекста, в который они помещают предмет своих исследований. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. В поле зрения участников Дискуссии не попали работы Оксаны Карпенко и Владимира Малахова, рассматривающие националистические организации наравне с другими производителями расистского дискурса⁴. То же самое относится к книгам и статьям группы исследователей, возглавляемой Еленой Омельченко и Хилари Пилкингтон, посвященным, в частности, правым молодежным субкультурам⁵. Не были замечены и работы многих исследователей, сравнивавших действия современных российских националистов с правыми протестами в других западных обществах⁶. И так далее.

Соответственно, оказывался незамеченным и теоретический аппарат, подразумевавшийся каждым из этих подходов. Так, участники Дискуссии практически не пользовались аппаратом сравнительной политологии для изучения параллелей между современными российскими и западными (не говоря уже о прочих) правыми движениями. Никто в рамках дискуссии о русском радикальном национализме, насколько мне известно, не обсуждал идеологические сходства между ним и современными американскими правыми экстремистами, несмотря на разительные совпадения (в существовании которых легко убедиться, прочитав, например, классический сборник⁷). Никто, в рамках Дискуссии, не обсуждал субкультурную специфичность российских правых или их место в медиа-дискурсе, несмотря на почти напрашивающиеся аналогии с классическими исследованиями моральной паники по поводу различных экстремистских молодежных группировок⁸. Исключительно слабыми оставались интеллектуальные связи с исследованиями электоральной поддержки

⁴ Карпенко Оксана. Языковые игры с гостями с юга // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. М.: РАН, 2002. С. 162-192; Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45-68.

⁵ Pilkington Hilary. Farewell to the Tusovka: Masculinities and Feminities on the Moscow Youth Scene // Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia / Hillary Pilkington (ed.). L./N.Y.: Routledge, 1996. P. 240-256; Pilkington Hilary, Omelchenko Elena et al. Looking West? Globalization and Russian Youth Cultures. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2002; Топорова А.В. «Нацболы» в Санкт-Петербурге: образы и повседневность // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: Норма, 1999. С. 117-127.

⁶ Barygin Igor. The Russian Right-Wing Radical Political Parties // Modern Europe after Fascism, 1943-1980's / S.U. Larsen (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 1998. P. 124-145; Minkenberg Michael. The Radical Right in Postsocialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16. No. 2. P. 335-362.

⁷ The Radical Right / Daniel Bell (ed.). L.: Transaction, 2001(1965).

⁸ Cohen Steven. Folk Devils and Moral Panics. L.: MacGibbon & Kee, 1972.

оппозиционных партий в России или с различными работами по теории постсоветского национализма, оперирующими классическими теориями в этой области (Андерсон, Геллнер, Смит), хотя здесь какое-то перекрестное опыление все же имело место. И, наконец, самое парадоксальное. Хотя, как мы увидим дальше, участники дискуссии постоянно мыслили историческими аналогиями, почти никто из них не пытался сколько-нибудь систематически использовать индуктивные процедуры для обнаружения сходств и различий в развитии правой сцены в современной России и в других обществах, опираясь при этом на процедуры, используемые в сравнительно-исторической социологии⁹.

Составив каталог того, что не обсуждается в рамках дискуссии о русском радикально-националистическом движении, мы не можем не задаться вопросом о том, что же, в конце концов, ее участниками обсуждается. Эта доминирующая тематика умещается в одну формулу: «русский фашизм». Исторические параллели с национал-социалистическим движением в Германии в 20-е и 30-е годы (и, в меньшей степени, с фашистским движением в Италии) – едва ли не единственные, которые используются, но зато они используются постоянно. По большому счету, те претендующие на теоретические обобщения исследования, которые преобладали в Дискуссии в 90-х, и, кажется, преобладают до сих пор, представляют собой пристрастное выискивание исторических параллелей между широким социальным контекстом современной России и межвоенной Германии, идеологических и стилистических аналогий между практикой российских праворадикальных организаций и НСДАП, а также тревожные подсчеты количества людей, которые, в некоторых условиях, могут счесть эту практику привлекательной. Хотя большинство авторов подчеркивает, что прямой аналогии быть не может, или даже вовсе заключают, что

⁹ Несколько исключений должны быть упомянуты. Хэнсон и Копстейн открыто апеллировали к авторитету Бэррингтона Мура, сравнивая свойства политических систем России и Веймарской Германии. См.: Hanson Stephen, Kopstein Jeffrey. *The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13. No. 3. P. 252-283. Однако единственным, кто мог бы претендовать на то, чтобы быть продолжателем муровской традиции, был Александр Тарасов, «Краткое эссе об "угрозе фашизма в России"» (<http://saint-juste.narod.ru/mif.htm>) которого является самым последовательным примером историко-социологического анализа перспектив русского правого радикализма. Сравнивая исторические траектории нескольких обществ, Тарасов предполагает, что предпосылкой для прихода фашистов к власти является перспектива социалистической революции, которую буржуазия пытается предотвратить, возводя на ее пути барьер фашистской диктатуры. Опираясь на этот «исторический закон», он констатирует, что никакой «коричневой угрозы» в современной России не существует, поскольку нет никаких намеков на возможность революции слева. Все разговоры об этой угрозе производят «"профессиональные антифашисты" из числа буржуазных либералов, [делающие] карьеру на раздувании истерии». Несмотря на некоторые сомнения автора в силе «исторического закона», на который ссылается Тарасов, и на полное несогласие с отдельными примерами, которые он использует, нельзя не приветствовать его работу как наиболее серьезную – несмотря на публицистический формат – попытку макросоциологического анализа адекватности Веймарского сценария развития России.

ответ на основной вопрос о возможности реализации «Веймарского сценария» отрицательный¹⁰, практически никогда не задается следующий, казалось бы, логически неизбежный вопрос: если русское радикально-националистическое движение – это не совсем повторение истории первой половины прошлого века, то что же оно собой представляет?

Чем можно объяснить то, что одна-единственная историческая метафора с такой настойчивостью захватывает воображение всех аналитиков? Для методологов конца двадцатого века стало общим местом указывать, что любая категоризация всегда метафорична, а любая историческая аналогия – метафорична тем более¹¹. Уподобление исторических явлений из разных стран и эпох всегда несет в себе большую долю условности. Чтобы увидеть их сходства, надо закрыть глаза на различия. Любое помещения события в ряд других событий требует абстрагирования от несовпадений между ними, которое возможно только за счет выделения наиболее релевантных, с точки зрения аналитика, аспектов. В этом определении существенности для настоящих теоретических целей неизбежно присутствует доля произвольности. Строго говоря, аналогии не бывают ни истинными, ни ложными – только более или менее плодотворными. Вопрос, который, мне кажется, важно поставить сейчас – это вопрос даже не о том, насколько плодотворной оказалась фашистская метафора для изучения русского радикального национализма (как я постараюсь показать в заключительной части этой статьи, эвристическая польза от ее применения сомнительна), а о том, почему она кажется всем его исследователям настолько самоочевидной, и

¹⁰ Среди тех, кто высказывал скептицизм по поводу повторения Россией «Веймарского сценария» были, в частности, участники дискуссии, состоявшейся на страницах *Post-Soviet Affairs* в 1997-1998 годах. См.: Hanson, Kopstein. The Weimar/Russia Comparison; Shenfield Stephen D. The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 355-368; Hanson Stephen, Kopstein Jeffrey. Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 369-375. Оценивая правдоподобность реализации «Веймарского сценария» в современной России Стивен Хансон, Джеффри Копстейн и Стивен Д. Шенфилд сошлись на том, что по крайней мере два из трех факторов, которые, по их мнению, обеспечили победу Гитлера в Германии – унаследование значительной части государственных структур и неблагоприятный интернациональный контекст реформирования – присутствуют и в России. Однако, Хансон и Копстейн констатировали, что в России нет третьего существенного ингредиента – развитой партийной системы, существование которой, по их мнению, в свое время устранило то препятствие на пути к власти для нацистского движения, каким могли бы стать сильный президентский режим и однопартийное правительство. Шенфилд согласился с этим выводом, заметив, однако, что существующий режим допускает другой сценарий прихода праворадикального движения к власти, минуя выборы – через инфильтрацию государственных структур на региональном уровне. Приводя данные о сотрудничестве РНЕ и других подобных организаций с властями, он утверждал, что такое развитие событий кажется ему весьма вероятным.

¹¹ Кеннет Берк был одним из тех, кто мог бы приписать себе первенство в развитии этой эпистемологической теории. См.: Burke Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkley: University of California Press, 1984(1953); Brown Richard. *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge: CUP, 1977.

даже единственно возможной¹². Мы вернемся к этому вопросу, попробовав вначале ответить на другой, также неизбежно возникающий в этом контексте – что такое вообще «фашизм» с точки зрения Дискуссии?

Веймарский сценарий, фашистский архетип и эпидемиологическая модель

Ответ на него интуитивно очевиден. Фашизм – это, в первую очередь, газовые камеры. Освенцим перевешивает все другие возможные ассоциации с нацистским режимом в Германии, такие, например, как квазикейнсианская экономическая политика или противостояние авторитарному коммунизму рабочего класса, которые, с точки зрения исторических социологов, сыграли несравненно бóльшую роль в привлечении к НСДАП массовой поддержки, чем перспектива Холокоста¹³. Именно с таким, увиденным как высшее проявление ксенофобского зверства и квинтэссенция исторического зла, фашизмом и сравнивается рутинно русский радикальный национализм. Этой постоянно ощущаемой связью объясняется популярность нескольких ключевых тем, преобладавших в Дискуссии в 90-х годах, и продолжающих активно обсуждаться сейчас.

Первой из таких тем является «Веймарский сценарий» (оборот, пущенный в ход Александром Яновым¹⁴) развития постсоветской России. Согласно этому сценарию, потерпевшее поражение в международном противостоянии и находящееся в затяжном экономическом и политическом кризисе государство с большой вероятностью переживает приход к власти радикальных националистов, опирающихся на массовое движение наиболее депривированных слоев населения. За несколькими требующими специальных упоминаний исключениями, основной исследовательский интерес тех, кто писал о современных правых радикалах в России, был сосредоточен на том, могут ли они стать ядром подобного движения. В некоторых работах этот исследовательский фокус достаточно очевиден, как, например, в упоминавшихся вы-

¹² Автор много раз сталкивался с праведным гневом коллег, которых он призывал – хотя бы на минуту и в чисто эвристических целях – забыть о фашистской сущности организаций типа РНЕ и рассмотреть их в ряду эмоционально более нейтральных объектов, скажем, других форм контркультурного протеста или религиозной активности.

¹³ Brustein William. *The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925-1933*. New Haven: Yale University Press, 1996.

¹⁴ Янов Александр. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995.

ше статьях Стивена Хэнсона, Джеффри Копстейна¹⁵, Стивена Д. Шенфилда¹⁶ и Александра Тарасова¹⁷, систематически оценивавших адекватность Веймарской метафоры*. В других случаях эта метафора фигурирует как смысловой фон, специально не оговариваемый, но служащий общим знаменателем для всех исследований в этой области.

Вторая тема, логически связанная с первой, представляла собой попытку вычленив внеисторический архетип «фашизма», ссылаясь на который можно было бы обосновать отождествление русской праворадикальной сцены с германским национал-социализмом. Результатом этих поисков стали многочисленные описания брутального и параноидного «фашистского мировоззрения»¹⁸. Стремление искать универсальное «фашистское мировоззрение» наиболее очевидно в работах, посвященных националистической идеологии. Значительное количество усилий и труда было потрачено на доказательство во-первых, того, что и русский национализм, и нацизм, обладают некоторой целостной идеологией, или, по крайней мере, неким общим идейным ядром, и во-вторых, что эти идеологии тождественны.

Наибольшую известность среди книг, представлявших русский национализм как традицию, обладающую внутренним единством и сходную, кроме того, с европейским нацизмом, получила работа Уолтера Лакера *Черная сотня: Истоки русского*

¹⁵ Hanson, Kopstein. The Weimar/Russia Comparison; idem. Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield.

¹⁶ Shenfield. The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein.

¹⁷ Тарасов Александр. Краткое эссе об «угрозе фашизма в России». <<http://saint-juste.narod.ru/mif.htm>>.

* [Прим. редакции: Среди недавних продолжений этой дискуссии: Люкс Леонид. «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 2. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Luks07.pdf>>; Kailitz Steffen, Umland Andreas. Why the Fascists Won't Take Over the Kremlin (for Now): A Comparison of Democracy's Breakdown and Fascism's Rise in Weimar Germany and Post-Soviet Russia // Государственный университет – Высшая школа экономики: Препринт. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ» / Под ред. Марка Урнова. 2010. № 2. <https://www.hse.ru/data/2010/06/10/1219754365/WP14_2010_02.pdf>.]

¹⁸ Галкин Александр. Размышления о фашизме // Нужен ли Гитлер России? / Под ред. В.В. Илюшенко. М.: ПИК, 1996. С. 88-105, зд.: с. 88-94; Shenfield Stephen D. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. N.Y: Sharpe, 2001. Так, по Александру Галкину, фашизм «представляет собой иррациональную, неадекватную реакцию общества 20 века на острые кризисные процессы, разрушающие его устоявшиеся экономические, политические идеологические структуры.... Фашизм – это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия». См.: Галкин. Размышления о фашизме. С. 95. Галкин специально отмечает иррациональность фашизма, его принципиальную враждебность «рациональным основам опыта», и даже «культуре, понимаемой в широком смысле». Хотя Галкин и отвергает определение фашизма как «болезни общественного сознания» как не учитывающее роли объективных факторов, провоцирующих развитие тоталитарных режимов, его собственное определение является вариацией на тему коллективной психопатологии.

фашизма¹⁹. Лакер стремился, прежде всего, проследить интеллектуальную преемственность, и, как замечали некоторые из его критиков, иногда видел ее там, где, в действительности, никакой связи не было²⁰. Например, от описания идеологии русских фашистов 30-х годов он переходит к пересказу произведений советских писателей-деревенщиков так, словно вторые были продолжателями дела первых, в то время как существование какой бы то ни было связи представляется крайне сомнительным. Из других работ, следующих той же логике, следовало бы отметить книги Джона Данлопа²¹, Джона Картера²² и Александра Янова²³, а также экстравагантные сочинения Даниэля Ранкур-Лаферьера²⁴, искавшего объяснения чувств русских националистов в трудах Мелани Кляйн и «пеленочном фрейдизме» Горера²⁵, и Екате-

¹⁹ Laqueur Walter. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. N.Y.: HarperCollins, 1993; Лакер Уолтер. *Черная Сотня: истоки русского фашизма*. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1994.

²⁰ Лихачев Вячеслав. Антисемитизм как часть идеологии праворадикальных политических течений современной России (национал-социализма, неоязычества, и «традиционной правой»). М.: Панорама, 1999. С. 18.

²¹ Dunlop John B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton: PUP, 1983.

²² Carter John. *Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow*. L.: Routledge, 1990.

²³ Янов Александр. *Русская идея и 2000 год*. N.Y.: Liberty Publishing, 1988.

²⁴ Rancour-Laferrier Daniel. *Imagining Russia: Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective*. Lewinstone: The Edwin Mellen Press, 2000.

²⁵ Книга Ранкур-Лаферьера состоит из двух частей. В первой из них, опираясь на теорию Дональда Уинникота, он утверждает, что чувства русских правых к своей стране возникают в результате неудачности отдаления в раннем детстве от матери, в ходе которой у них возникает потребность в «переходном объекте», на который можно было бы переносить амбивалентные аффекты, возникающие при этом отделении. Но если у большинства детей в роли этого переходного объекта выступают мягкие игрушки, взрослым, так и не разрешившим эту психологическую проблему, приходится искать себе новый переходный объект. По мысли Ранкур-Лаферьера, для русских патриотов им становится «Mother Russia». Во второй части, ссылаясь на работы Мелани Кляйн, он анализирует отношение русских националистов к другим этническим группам, и обнаруживает в нем результаты расщепления – примитивной психической защиты, которая отделяет все положительные свойства объекта от его отрицательных свойств, и интроецируя первые, проецирует вторые вовне. В случае с этническими отношениями этот механизм, согласно Ранкур-Лаферьеру, действует так, что все положительные свойства приписываются своей группе, а все отрицательные – другим группам. Если верить Ранкур-Лаферьеру, русские больше других народов склонны к расщеплениям, так как их матери практикуют жесткое пеленание. Несомненная оригинальность книги Ранкур-Лаферьера состоит в том, что современное русское националистическое движение анализируется вне какой-либо связи с Веймарской Германией. Однако, он уверен в существовании некоторых общих для всех русских национальных чувств, которые разделяют не только все современные правые радикалы, но и разделяли их предшественники со времен славянофилов. Большая часть данных, используемых Ранкур-Лаферьером, взяты из русской классической литературы 19-ого века, включая Тютчева и Достоевского. Возможность того, что националистические сантименты славянофилов типа Аксакова несколько отличались от устремлений соратников Баркашова, им даже не рассматривается. Между тем, эти различия бросаются в глаза даже при самом поверхностном знакомстве с предметом. «Mother Russia» занимает очень незначительное место в идеологии современных правых радикалов, вернее, не занимает практически никакого. Если документы какой-либо из праворадикальных групп и свидетельствуют о подавленных бессознательных

рины Михайловской, обнаружившей в идеологии правых радикалов следы архаичного магического мышления²⁶.

Наконец, третьей из постоянно обсуждавшихся тем была «эпидемиология» правового радикализма. Поскольку само «фашистское мировоззрение» понималось как разновидность персонального безумия, то его победа виделась как эпидемия психоза, охватывающая большую часть общества, или, по крайней мере, политической элиты. В этом смысле, возможность развития событий по Веймарскому сценарию в современной России считалась зависящей, прежде всего, от того, велико ли здесь число людей, мыслящих как германские нацисты. Мобилизационные успехи правых радикалов имплицитно связывались с воздействием одного-единственного фактора: широты распространения ксенофобских настроений в обществе. При этом, обсуждение этих настроений выдерживалось в строго медикализованной терминологии. Иллюстрацией этого утверждения может служить, хотя бы, повсеместное употребление понятий типа «фобий», «комплексов» или «паранойи». Поддержка праворадикального движения понималась при этом как проявление душевного недуга, который, поразив достаточное количество людей (в этом контексте часто определяемых как «клетки общественного организма»), может привести к тяжелому поражению целого – установлению фашистской диктатуры путем выборов или военного переворота.

Чтобы получить достаточно полное впечатление обо всем этом подходе, достаточно привести несколько длинных цитат из типичной для него статьи Леонида Седова, носящей характерное название «Головы, выбритые изнутри» и посвященной росту числа скинхедов²⁷. Седов пишет: «Бунтующая молодежь, в том числе и фашизоидного типа, есть в любых обществах, как в любом организме присутствуют *папочки Коха* (курсив мой – М.С.). Важно, чтобы общество обладало достаточным иммунитетом.... Но если здоровый организм обладает иммунитетом и не дает болезни развиваться, то в организме с ослабленным иммунитетом она поражает все органы. В здоровых, устойчиво демократических обществах скинхеды остаются маргиналами и их активность в значительной степени нейтрализуется силами полиции или вооруженных граждан. Наше общество таким иммунитетом не обладает, и об этом свидетельствуют многочисленные данные, получаемые в опросах общественного мнения.»

влечениях, то разве что о латентном гомосексуализме. Женские образы в них встречаются редко, материнские – практически никогда.

²⁶ Михайловская Екатерина. Федеральное собрание: российский парламент как модель общественного сознания // Верховский Александр, Прибыловский Владимир, Михайловская Екатерина. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: Панорама, 1998. С. 104-167.

²⁷ Седов Леонид. Головы, выбритые изнутри // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2002. 17 июля. <<http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/225.html>>.

Причина же социального иммунодефицита, по Седову, состоит в том, что: «Не встречает сопротивления в обществе прежде всего то, что в выступлениях доморощенных нацистов связано с неприязнью к людям иных национальностей и рас и превознесением своих собственных национальных достоинств – "русскости" или "славянскости". Вообще гордиться не своими личными достижениями и индивидуальными особенностями, а принадлежностью к какой-то сильной, могущественной группе, в предельном случае к нации или державе – свойство подростковой психики. Если же это свойство присуще обществу в целом (а в современной России переживания по поводу утраты страной былого могущества носят остроболлезненный характер), то и его нельзя назвать "взрослым"»²⁸.

Итак, мобилизационные успехи радикально-националистического движения рассматриваются как болезненные симптомы, сигнализирующие о неадекватной реакции невротического массового сознания на трудности переходного периода. Среди причин возникновения этих реакций чаще всего упоминаются три: «фашистский характер», предположительно, преобладающий у современных россиян, фрустрационная агрессивность, вызванная трудностями переходного периода, и культурная регрессия к архаичным формам идентичности, спровоцированная «идеологическим вакуумом» современности. Во всех трех случаях, мы видим, как радикальный национализм определяется как психологическая реакция – отдельных индивидов или «массового сознания» – на социальный и культурный кризис. Задачи, которые ставит перед исследователями эпидемиологическая модель, сводятся к тому, чтобы установить этиологию заболевания – наследственную предрасположенность («фашистский характер») или патогенные факторы в среде (фрустрации, пресловутый «идеологический вакуум») и предложить стратегию борьбы с ним (систему воспитательных «прививок», законодательство, обеспечивающее помещение в пенитенциарный карантин политических вирусоносителей, и т.д.)²⁹.

²⁸ Там же.

²⁹ Насколько известно автору данной работы, первой попыткой составить каталог патогенных факторов такого рода являлась статья Галкина «Российский фашизм?», опубликованная вскоре после успехов Жириновского на выборах 1993 года, которая, по большому счету, открыла научную дискуссию о «коричневой угрозе» в России. См.: Галкин Александр А. Российский фашизм? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 17-27. Галкин утверждал, что фашистское движение не является движением какой-то группы, но порождается социетальным кризисом, во время которого происходит «слом сложившихся социальных структур, распад прежней системы ценностей, ценностная дезориентация, широкое распространение квазиценностей, упадок морали; углубляющийся экономический и социальный кризис, осознание населением реального ухудшения условий своего существования; ослабление государственной власти, .. резкое падение исполнительской дисциплины; чувство ущемленности национального достоинства, ставшее фактором массового сознания; .. рост пьянства, наркомании, преступности» (Галкин. Российский фашизм? С. 20). Все прочие авторы мало что прибавили к этому списку.

Самый актуальный политически вопрос, возникающий в этом контексте, заключается в том, чтобы выяснить, каково количество инфицированных фашистским сознанием в нашем обществе. Именно эта задача вдохновила множество исследований, направленных на фиксацию, с помощью массовых стандартизированных опросов, количества «фашизоидов» и попытки идентифицировать конфигурацию социально-психологических факторов, ответственных за приобретение этих установок. Согласие с утверждениями, которые, предположительно, характеризуют радикального националиста, при этом фигурирует как зависимая переменная. Список независимых переменных напоминает складывание различных комбинаций из кубиков-концепций, перечисленных выше – фашистского характера, фрустрационной агрессии и идеологического вакуума. В числе работ, принадлежащих к этому жанру, можно перечислить:

(1) статьи Юрия Левады, где утверждается, что национализм возникает, поскольку «массовое сознание», стремящееся к национальному самоутверждению и потерпевшее неудачи в своих стремлениях, реагирует на это, развивая «комплексы обиженности, проекции агрессии на чужих»³⁰;

(2) монографию Галины Солдатовой³¹, констатирующей, что социально-экономический кризис приводит к фрустрациям, а те, в свою очередь, к «социальной напряженности», а одновременный идеологический кризис имеет своим следствием регрессию к культурному архаизму и вытекающую из него важность этнических идентичностей, и вместе они создают межэтническую напряженность, которая приводит к «социальной паранойе» - всплеску активной ксенофобии;

(3) статьи Алексея Малашенко³², предполагающего, что падение престижа страны в сочетании с тяжелым экономическим положением и опытом нисходящей мобильности приводят к поиску «козла отпущения», и эта тенденция находить персонифицированных виновников своих бедствий, вместе с верой в национальную исключительность и опытом взаимодействия с другими этническими группами приводят к «этнофобии»;

³⁰ Левада Юрий. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 15-19; он же. Существуют ли сегодня массовые корни фашизма? // Нужен ли Гитлер России? С. 105-110.

³¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

³² Малашенко Алексей. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. А. Малашенко, Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 6-18.

(4) публикации Зинаиды Сикевич³³, сводящие национализм к возрастанию значимости негативных этнических стереотипов появляющихся в результате сочетания двух факторов – (а) этнической самоидентификации, значимость которой увеличивается на фоне системного кризиса и вытекающих из него психологический незащищенности, и, (б) опыта контакта с другими группами, наложенного на низкий образовательный уровень; и, наконец,

(5) наиболее разработанную схему, предложенную в работах Льва Гудкова³⁴. Гудков предполагает, что радикальный национализм пользуется поддержкой со стороны двух различных групп – молодежи и «деградировавшей массовой бюрократии 45-55 лет». Для молодежи потребность в саморегуляции выводит на первый план этническую самоидентификацию, которая, вместе с фрустрацией, вызванной потерей статуса великой державы, и на фоне «этической и интеллектуальной ограниченности моделей молодежной культуры» приводят к ксенофобии. Эта молодежная ксенофобия и несет основную ответственность за появление организаций наподобие РНЕ. Вторая составляющая – деградировавшая бюрократия, прославляющая «неотрайбализм». По Гудкову, подлинная «трайбалистская нетерпимость», включая «аграрный антисемитизм» (ни одно из этих загадочных понятий им не определяется) носит лишь «защитно-компенсаторный характер».

Нет сомнения, что такие исследования могли бы принести важные результаты (принесли они их, или нет – другой вопрос). Но нет сомнений также в том, что сама их логика оставляла за рамками исследования многие важные вопросы, которые заслуживали того, чтобы обсудить их, говоря о «русском национализме».

Почему «русский фашизм»?

Чем объясняется столь единодушное принятие всеми участниками Дискуссии одной-единственной интерпретативной модели, и каковы издержки того, что все остальные перспективы были принесены ей в жертву? Было бы заманчиво предположить, что ее распространение есть результат подтвержденной эвристической ценности. Однако, интеллектуальные выигрыши от распространения веймарологической модели достаточно сомнительны. Веймарский сценарий в качестве метанарратива,

³³ Сикевич З.В. Расколотое сознание: этносоциологические очерки. СПб.: СПбГУ, 1996; она же. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян // Нетерпимость в России. С. 99-112.

³⁴ Гудков Лев. Антисемитизм в современной России // Нетерпимость в России. С. 44-98.

определяющего логику отдельных исследований, конечно же, не может быть квалифицирован как нечто априорно ошибочное, даже если предположить, что понятие «ошибочность» вообще применимо к нарративу. Однако, следует отметить, что обращение к нему имело важные и не всегда положительные методологические последствия. Самое важное отрицательное следствие состояло в том, что из исследований оказывалось автоматически исключенным как несущественное все, что не вписывалось в историю о приходе к власти массового фашистского движения. Так, существующие радикально-националистические организации часто оставались за рамками рассмотрения на том основании, что они малочисленны, и их претензии на то, чтобы возглавить победоносное шествие фашизма, неубедительны.

В одной из своих статей Александр Галкин, например, прямо указывает, что «тревогу и внимание должны вызывать не те группы правых радикалов, которые, подражая прошлому, играют в черных и коричневых солдатиков», имея в виду, видимо, панику в СМИ, связанную с организацией Русского Национального Единства³⁵. Напротив, Стивен Шенфилд оправдывает свое внимание к радикально-националистическим организациям, включая РНЕ, тем, что их члены могут проникнуть в государственные структуры на локальном уровне, постепенно полностью подчинив их себе³⁶. Другие видят опасность, исходящую от них, в том, что они распространяют ксенофобскую литературу, создавая, тем самым, питательную среду для развития в будущем действительно массового праворадикального движения³⁷. Что молчаливо подразумевается при этом обеими сторонами в дискуссии об опасности для политического режима организаций типа РНЕ, так это что подобные группы могут представлять интерес только как носители «коричневой угрозы». К сожалению, эта перспектива обеспечивает лишь весьма одностороннее виденье объекта исследования.

Исследователи, опирающиеся на эпидемиологическую модель, часто претендуют на то, что она способна объяснить динамику радикально-националистического движения. Они утверждают, что мобилизационные успехи праворадикальных организаций объясняются, прежде всего, распространением «ксенофобии» в обществе, и, соответственно, представляют собой симптом той болезни коллективного разума, которой является фашизм. Их собственные данные, однако, не всегда согласуются с этим утверждением. Действительно, успех или неуспех организаций типа РНЕ определяется не только числом людей, согласных с некоторыми его лозунгами, или какими-либо другими ксенофобскими высказываниями, и иногда даже совсем не им. Количество согласных с лозунгом «Россия для русских» в общенациональных

³⁵ Галкин. Размышления о фашизме. С. 107.

³⁶ Shenfield. The Weimar/Russian Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein; idem. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements.

³⁷ Левада. Существуют ли сегодня массовые корни фашизма?

выборках составляет всегда порядка 40% опрошенных³⁸. В то же время, все радикально-националистические организации, вместе взятые, никогда не числили в своих рядах и одной сотой от 40% взрослого населения Российской Федерации. Более того, ни один из их лидеров (за исключением Николая Лысенко в 1993) никогда не собирал сопоставимого процента голосов на выборах федерального уровня. Что на самом деле определяет масштаб реальной поддержки? С помощью эпидемиологической модели и вдохновленных ею исследований мы никогда этого не узнаем.

Далее, эпидемиологическая модель имплицитно предполагает, что радикально-националистическое движение внутренне не дифференцировано, а его участники и их пассивные сторонники представляют собой более-менее однородную массу. Факторам, объясняющим различия в степенях участия, таким, как микромобилизационный контекст, не уделяется никакого внимания. Лишь очень немногие исследователи видели в нем нечто отличное от проявлений абсолютной иррациональности – например, классовые стратегии политической борьбы или индивидуальные стратегии социальной мобильности. Заложенное в стратегию сбора и обработки данных, это допущение приводит к получению артефактов, таких, например, как стереотип малообразованного и недостаточно социально адаптированного престарелого провинциального «фашиста». Действительно, суммировав проценты ответов на вопросы в разных социальных группах, и выяснив, что чаще всего с различными ксенофобскими утверждениями соглашались малообразованные жители небольших городков старшего возраста, заманчиво сделать вывод, что именно они являются социальной базой праворадикальных организаций. Факты, однако, не дают основания для подобных однозначных заключений. Развитие праворадикальных организаций в последние годы происходило в основном благодаря молодежи из мегаполисов, и, кроме того, в случае НБП (до 2001 года признававшейся самими националистами частью движения), высокообразованной молодежи – группам, которые, в целом, кажутся менее всего симпатизирующими националистической идеологии³⁹. Кажется, кроме Льва Гудкова никто из исследователей не пробовал противопоставлять раз-

³⁸ Левада. Существуют ли сегодня массовые корни фашизма? С. 108. Пока писалась эта статья, поступили данные последнего опроса, в ходе которого полное или частичное согласие с требованием «Россия для русских» выразило 58% опрошенных. И многие исследователи, и, что любопытно, сами члены РНЕ отождествляли согласие с этим лозунгом с симпатиями к РНЕ и ему подобным организациям, предполагая, что на его основании можно делать выводы о количестве избирателей, голоса которых эти группы могут получить.

³⁹ Сами результаты опросов здесь чрезвычайно противоречивы. Так, например, данные ВЦИОМ свидетельствовали, что количество согласных с лозунгом «Россия для русских» выше всего в небольших городах, а вот количество поддерживающих РНЕ в них существенно ниже, чем в мегаполисах.

ные группы среди сторонников националистической идеологии, и даже Гудков не уделял, например, правым интеллектуалам никакого внимания⁴⁰.

Таким образом, эпидемиологическое теоретизирование не проливает света даже на то, что, по идее, находится в фокусе его внимания – на процессы рекрутирования в праворадикальные группы. Еще более очевидна их слабость в интерпретации политической дифференциации и типологической эволюции праворадикальных организаций. Действительно, за последние пять лет доминировавший в течение 90-х годов тип военизированных групп с религиозно-националистической идеологией (наподобие РНЕ), в рядах которых преобладали военнослужащие и милиционеры, практически полностью исчез. Широко распространившиеся в то же время социальные сети скинхедов отличались от него и организационно, и идеологически, и стилистически, и с точки зрения социального профиля их участников. Достаточно сказать, что организации, ориентированные на скинхедов (Партия свободы Юрия Беляева, Народно-Национальная партия Иванова-Сухаревского) подчеркивают свое принадлежность к Белой Расе, всячески афишируя свое единство с европейскими правыми и свою непримиримость по отношению ко всему азиатскому, что привело некоторых из них к совершенно немыслимому для националистов предыдущего поколения вестернизму. Невозможно объяснить эту политическую эволюцию, ссылаясь лишь на некий неизменный фашистский импульс.

Таким образом, есть множество проблем, для которых теоретизирование о Веймарском сценарии и эпидемиологии фашизма не предлагают никакого решения. Это не мешало им, однако, рассматриваться в качестве едва ли не само собой разумеющихся основ для любого обсуждения русского национализма. Очевидность здесь покоится на фундаменте, с одной стороны, чисто когнитивных эффектов, с другой – корпоративно и политически обусловленных заинтересованностей. С одной стороны, фашизм и противостояние ему превратились в один из главных исторических нарративов в гражданских религиях современных западных обществ (Советский Союз в этом смысле не был исключением). Все наше политическое воспитание делает обращение к нему во всех релевантных ситуациях почти рефлекторным. С другой стороны, само по себе ощущение опасности, ассоциирующееся с фашизмом, обеспечивает то, что в любом объекте, в котором можно будет усмотреть родство с ним, именно это родство будет усмотрено в первую очередь. Человек, вышедший на

⁴⁰ Справедливости ради надо отметить, что теме современных правых интеллектуалов уделяется на удивление мало внимания и в международной дискуссии. Одно из немногих исключений: Minkenberg Michael. *The New Right in France and Germany: Nouvelle Droite, Neue Rechte and the New Right Radical Parties // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Paul Merkl, Leonard Weinberg (eds). L.: Frank Cass, 1997. P. 65-89.* Это еще более удивительно, учитывая, что теории национализма, возникшие в последние десятилетия, приписывали интеллектуалам основную роль в создании самого понятия Нации и национализма как идеологии – см., например: Gellner Ernst. *Nations and Nationalism.* Oxford: Basil Blackwell, 1983.

пасторальную лужайку, кишашую змеями, автоматически определит ее для себя как потенциально опасную ситуацию, а не как идиллическое зрелище. Точно так же, столкнувшись с движением, которое несет в себе угрозу величайшего политического зла, он, скорее всего, в первую очередь подумает об этом зле. Уделять внимание вначале угрозам, а только затем – всему остальному, по меньшей мере, разумно в обыденных ситуациях. Но научное исследование вряд ли может быть стимулировано такой установкой.

Это, однако, далеко не единственная причина. Другим фактором было двойственное положение участников Дискуссии, выступавших, с одной стороны, как исследователи, а с другой – как эксперты по «коричневой угрозе» и борцы с ней. Их положение в этом качестве на рынке труда целиком зависело от того, насколько широко будет распространен страх перед объектом их исследования. Так, ссылки на «Веймарский сценарий» служили практически обязательной частью доказательств актуальности всех исследований в данной области, поскольку именно он наиболее недвусмысленно очерчивал для потенциального грантодателя угрозу, исходящую от русского радикального национализма. Сложно не заподозрить, что популярность этого сценария среди экспертов, по крайней мере, частично, была обусловлена необходимостью постоянно заполнять пункт «политическая актуальность темы» в подаваемых в фонды заявках.

Было бы неверно, однако, сводить все к цинизму и корысти. Большинство участников дискуссии о русском национализме были проникнуты к нему совершенно искренним отвращением. Однако, само это отвращение подталкивало их в сторону той же самой интерпретации. Их анализ никогда не был полностью абстрагирован от политической риторики, в которую его результаты могли быть встроены. Неудивительно, поэтому, что русский национализм отождествлялся ими с вещами, которые признаются наиболее чудовищными и позорными в нашей культуре – безумием и фашизмом. Кроме того, существование неизменного «фашистского мировоззрения» открывает возможность для освященной авторитетом науки квалификации оппонентов как фашистов – ход, имеющий не только огромную риторическую, но и юридическую силу. Значительная часть анализа идеологии и символизма праворадикальных организаций строилась с учетом их возможного судебного использования. Характерно, что нет практически никакой разницы между логической организацией аргументации и тематикой многих предположительно исследовательских текстов и заключения, написанного для суда экспертами Института социологии РАН⁴¹.

⁴¹ Даддани Л.Я., Червяков В.В., Ядов В.А. Заключение политологической экспертизы по назначению Южно-Сахалинского городского суда по делу № 2-2077/98 (1999). <http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=69&c_id=9029>.

Как мы видели, навязчивая сосредоточенность на Веймарской метафоре и эпидемиологической модели обошлась исследователям РРНД достаточно дорого с точки зрения чисто интеллектуальных издержек. Оправдывая ее повсеместное использование, можно было бы указать на политические выгоды. Заостряя внимание на потенциальной опасности, исходящей от правых радикалов, эксперты тем самым призывают общество к бдительности. Разве призывы к бдительности могут быть лишними? Несколько наблюдений, сделанных в ходе моего собственного исследования, заставляют предположить, что могут.

Политические использования Дискуссии

Я начал изучение русского радикально-националистического движения зимой 98/99 года с регулярных посещений митингов, каждые выходные проводившихся петербургским отделением Русского Национального Единства у станции метро «Парк Победы». Одно из наблюдений, сделанных во время этих встреч, было таким: почти никто из приходивших вступать в организацию – а желающих было каждый раз по десять-пятнадцать человек – не был приведен активистами РНЕ. Решение о вступлении принималось новыми членами самостоятельно, на основании сведений, которые они получили из средств массовой информации. При этом, собственное периодическое издание РНЕ, газета *Русский порядок*, доставлялась в Петербург лишь в очень небольших количествах (члены организации горько сетовали на это обстоятельство), и ее распространение по почтовым ящикам и у станций метро никак не могло объяснить этот приток сторонников. Сами приходившие говорили, что их привело в РНЕ то, что они узнали о нем благодаря центральным телевизионным каналам.

Именно несколько месяцев с ноября 1998 до марта 1999 были периодом, когда mass media особенно часто упоминали Баркашова и его организацию в своих передачах, и тон их при этом был далек от доброжелательного. В общем и целом, они следовали тем же интерпретативным схемам, что и участники дискуссии: подчеркивали параллели между РНЕ и НСДАП и указывали на опасность пандемии фашистского безумия. Однако, их откровенная враждебность имела – по крайней мере, во многих случаях – эффект, противоположный предполагаемому. Дальнейшее развитие событий подтвердило то, что рост РНЕ был прямо пропорционален количеству опасений по его поводу, которые выражали журналисты. Волна репортажей об организации внезапно схлынула в середине марта, и несколько месяцев после этого по

центральным каналам РНЕ не было упомянуто ни разу, а когда посвященные ему сюжеты появились вновь, то их тон переменялся с панического на почти саркастический. В это же время схлынул и поток желающих вступить в организацию. Новых лиц у «Парка Победы» стало появляться гораздо меньше. По истечении полутора лет такой информационной блокады половина региональных подразделений РНЕ исчезла, а остатки организации раскололись на несколько частей, вскоре затерявшихся среди других карликовых ультраправых групп. Лидера РНЕ Баркашова настиг тяжелый личностный кризис, переросший, по утверждениям его бывших соратников, в хронический алкоголизм.

Самой красноречивой иллюстрацией того, насколько, мягко говоря, противоречивый эффект имела борьба СМИ зимой 1998-1999 гг. с «коричневой угрозой», могут служить результаты опроса общественного мнения, проведенного службой изучения аудитории ОРТ в апреле 1999 г. При том, что общее число респондентов, так или иначе сочувствующих РНЕ, равнялось приблизительно 5%, таковых среди зрителей НТВ оказалось 7,5%, а среди аудитории РТР – всего 2,2% (при использовавшихся выборках этот результат имеет 95% уровень значимости). Стоит напомнить, что из центральных каналов именно НТВ внесло наибольший вклад в кампанию против РНЕ, в то время как РТР было наименее активно в ней. То, что задумывалось как призыв к бдительности, функционировало, по всей видимости, как скрытая реклама для той части зрителей, которые рассматривали телевиденье как инструмент «жидомасонской пропаганды».

Успех Русского Национального Единства, на протяжении 90-х годов остававшегося крупнейшей праворадикальной организацией, по всей видимости, в значительной степени основывался на виртуозном использовании основных способов освещения его действий СМИ. Иными словами, организация последовательно режиссировала свою деятельность с учетом излюбленных тем и риторических приемов mass media. Лидеры РНЕ, в частности, строили практику организации, ориентируясь сразу на все основные темы, в связи с которыми ненационалистические журналисты упоминали о радикалах – и тему возрождения нацизма, и тему ползучей эпидемии, и тему поглощения бессильных государственных структур. Я сделаю рискованное предположение, что символическая связь РНЕ с нацизмом, например, демонстрировалась вообще главным образом для того, чтобы наилучшим образом соответствовать потребностям пишущих о «коричневой угрозе» журналистов, поскольку внутри националистического движения эта связь сама по себе скорее отпугивала, чем привлекала, сторонников. Тем не менее, ее видимость гарантировала, что именно РНЕ будет удерживать внимание журналистов, пишущих о «русском фашизме», и станет основным объектом их страха и неприязни. Это имело ключевое значение для роста организации, поскольку в среде потенциальных сторонников именно та-

кое поведение СМИ были доказательством подлинности ее решительной оппозиционности и мощи, что компенсировало в их глазах сомнительное родство с нацизмом⁴².

Радикально-националистическая организация и инициаторы кампании с «русским фашизмом» находились в своего рода негласном творческом альянсе. Организация поставляла борцам с ней факты, которые было легко встроить в схему «распространения коричневой чумы». Борцы и эксперты инициировали кампанию в СМИ, старательно игнорируя факты, противоречащие картине надвигающейся на страну победоносной «коричневой чумы» (такие, например, как реальная малочисленность радикально-националистических групп). С другой стороны, для той части аудитории, в которую входили потенциальные сторонники этой организации, спровоцированные ее действиями панические статьи и репортажи приобретали смысл, неизвестный их непосредственным авторам. Неудивительно, что сторонники таких организаций пополняют собой аудиторию телеканалов, ведущих наиболее интенсивную борьбу с «экстремизмом». Именно эти каналы, как ни парадоксально, чаще всего передают ту информацию, которую им больше всего хочется получить.

В этом смысле, участники «антифашистских» кампаний – и, не в последнюю очередь, эксперты по «фашистской угрозе» – зачастую играли националистам на руку. Однако это еще не все. Еще одной заинтересованной стороной в производстве дискурса о «русском фашизме» был государственный аппарат. С этой точки зрения, характерна опубликованная в сборнике *Нужен ли Гитлер России?* статья Леонида Гордона, в которой автор обсуждал возможность возникновения массового «тоталитарно-диктаторского движения», ориентированного на вооруженную борьбу и движимого националистической идеологией в современной России⁴³. Считая это весьма вероятным, Гордон призывал к установлению «полуавторитарного» политического режима, который мог бы оказать решительное силовое сопротивление напору со стороны радикальных националистов. В конечном счете, потребность в подобном сопротивлении так и не возникла⁴⁴. Ни одна из праворадикальных организаций не

⁴² Члены РНЕ доказывали всем приходившим на встречи, проводившиеся организацией в Петербурге, что используемая ими свастика, униформа и салют правой рукой не имеют никакого отношения к нацистским, а являются исконно-русскими символами, которые Гитлер в свое время заимствовал без всяких на то прав. Вообще, звучавшие на встречах упоминания о Третьем Рейхе были почти исключительно уничижительными. Типичный комментарий принадлежал члену РНЕ, который заявил, что не приемлет демократии, поскольку выборы могут привести к власти «любую сволочь, от Гитлера до Муссолини». Хотя, как следует из других источников, некоторые из членов РНЕ испытывали к историческому нацизму куда более теплые чувства, такое отношение не было преобладающим, по крайней мере, в Петербурге.

⁴³ Гордон Леонид. Фашистский режим, фашистское движение, фашистская угроза // *Нужен ли Гитлер России?* С. 136-140.

⁴⁴ Гордон явно имел в виду не улучшение работы следственных органов, которые позволили бы с большим успехом раскрывать преступления скинхедов, и даже не ужесточение соответствующего

добилась сколько-нибудь заметного влияния (как уже говорилось, РНЕ в период его наибольшей популярности в той или иной степени поддерживало около 4-5% взрослых респондентов). Авторитарный режим, который обосновывал ограничения политических свобод в том числе и необходимостью бороться с правым экстремизмом, однако, возник.

Потребовалось бы специальное исследование, чтобы оценить, какую роль в его становлении сыграла риторика «фашистской угрозы». Замечу лишь, что навязчиво медикализирующий дискурс, приписывающий подверженность «фашизму» маргинальным слоям, и требующий неусыпного контроля над ними, представляет собой прямо-таки образец риторического оформления фукоистской дисциплинарной власти. То, что он использовался государством, превращающим «борьбу с экстремизмом» в подавление всякой, не только националистической, политической оппозиции, и для того, чтобы легитимировать усиление контроля за всеми сторонами политической жизни со стороны спецслужб, вряд ли можно считать случайностью.

законодательства, а возникновение политического режима, способного применять чрезвычайные меры для того, чтобы выбить штурмовые отряды «фашистов» с улиц.